

ГЛАВА 1 СЫЩИКИ

Позже он не раз думал о том, что у него не возникло никаких предчувствий. Да, он в них не верил. Но иногда предчувствия просто обязаны быть.

Легкая дрожь в руках. Остановка времени — словно перед падением.

Ничего не было. Ничегошеньки. Совсем.

Он всего лишь открыл дверь сухопарому человеку в мешковатой, плохо сидящей куртке.

При виде этой куртки частный детектив Сергей Бабкин даже испытал облегчение. Их предыдущий клиент носил длинное ворсистое пальто верблюжьей шерсти, которое выглядело дороже не только машины Бабкина, но и квартиры Бабкина, не говоря уже о самом Бабкине.

Клиент оказался жмотом. Он требовал отчета по каждой копейке. К концу расследования Сергей чувствовал себя Прометеем, которому ежедневно выклеивает печень чрезвычайно прижимистый орел.

— День добрый. Макар Андреевич Илюшин здесь принимает?

Сухопарый выговаривал слова с избыточной четкостью.

И в этот момент Бабкина тоже должно было кольнуть предчувствие. Вместо этого он сказал:

— Так точно, здесь. Проходите, можете не разуваться.

— Да нет уж, зачем грязь тащить...

Под курткой — серый спортивный костюм. Щеки впалые, выбритые до синевы. Короткая щеточка желто-

ватых усов. Глаза запавшие. Возраст трудно определить — больше сорока, меньше пятидесяти.

Сергей проводил его в комнату, служившую двум сыщикам офисом, и Макар Илюшин поднялся из кресла:

— Ян Борисович? Рад познакомиться. Кофе, чай?

— Да, кофе, будьте добры. Без сахара.

Бабкин посмотрел на Илюшина долгим нехорошим взглядом.

— Сережа, и мне кофейку, — невинно попросил Макар.

«Да ты издеваешься!»

Илюшин, несомненно, издевался. Неделю назад он согласился приютить на два дня соседскую кошку — нежнейшее облако белого пуха. Бабкин при виде облака почуял неладное. Он потребовал запереть кошку на ночь в ванной комнате, но Макар только отмахнулся. Той же ночью облако добралось до кофемашины и перегрызло трубку капучинатора.

«Лучше бы она горло тебе перегрызла!» — в сердцах сказал Бабкин. Кофемашину он любил. В глубине души он даже допускал, что за серебристой панелью обитают крошечные лохматые существа, провозглашающие «Славься, Сергей!» всякий раз, когда он запускает программу.

Он взбил молоко венчиком и мстительно набухал Илюшину полную чашку пены.

Клиента звали Ян Борисович Боричев. Это удвоение Борисов в одном человеке почему-то настораживало. Бабкин не мог понять, зачем Макар согласился на встречу. У Боричева пропал тринадцатилетний племянник, а за поиск детей они не бралась.

Что он сказал Илюшину по телефону? Как уломал его?

— Серафим вышел из дома в три часа дня, зашел в торговый центр «Атлас», шлялся там около получаса. — Боричев начал с места в карьер, словно продолжая начатую беседу. — Когда выходил, телефон выбросил в урну. Затем свернул куда-то и больше в поле зрения камер не попадал. Полиция предполагает, что он спустился в подземный переход и дальше — с пересад-

ками на метро. Ну, или сел в чью-то машину, но это маловероятно. По пути к парковке очень трудно не попасть под камеры. Это было в понедельник. Где Серафим с тех пор находится, неизвестно. Его родители уверены, что он сбежал. Все предпосылки к побегу имелись.

— Какие, например? — спросил Макар.

— Ну, поспорился с матерью в очередной раз. Нормальный телефон у него отобрали, заменили на простенькую кнопочную звонилку. Перестали выдавать карманные. Ругали, естественно. Впрочем, за дело. Он прохиндей.

Сергей невольно хмыкнул. Боричев развернулся к нему:

— Серафим — бывший детдомовец. Моя сестра и ее муж его усыновили. В детдом он попал в восемь лет, и довольно быстро ему нашли приемную семью. Но те его вернули. Сестрицу предупреждали, что с Серафимом просто не будет, но она перла танком и никого не слушала. Чтоб вы понимали: этот парнишка — лжец, вор, попрошайка и мелкий интриган. На уши он присаживается практически профессионально. На моих глазах однажды чуть не развел на рынке матерую цыганку. А знаете, почему «чуть»? Потому что я ему не позволил. В школе бил окна, нецензурщины исписал стены, у молодой учительницы спер дорогущий кардиган: обернул его вокруг себя два раза и запросто прошел мимо охранника. Это из детских шалостей, так сказать. Про более серьезное даже рассказывать не хочу. Обстоятельства нынешние я вам изложил. Его без малого трое суток ищут полиция и волонтеры.

— Плохо ищут? — понимающе сказал Бабкин.

— Ищут чрезвычайно добросовестно, — отчеканил Боричев.

Сергей ожидал услышать гневную отповедь о деградации полицейской системы, а потому удивился.

— И зачем же вы хотите подключить нас? — спросил Макар.

Боричев потер подбородок.

— Все они уверены, что Серафим сбежал из дома. Все! И моя сестра, и ее муж, и волонтеры, и полиция.

Я со следователем разговаривал — въедливый такой мужик, цепкий, — он мне чуть ли не прямым текстом сказал: нагуляется и к холодам вернется.

— А вы хотите, чтобы он вернулся до холодов?

Боричев прямо взглянул на Илюшина. От этого взгляда даже Сергею Бабкину, который перевидал бесчисленное количество клиентов, стало не по себе.

— А я вообще не думаю, что он вернется, — бесстрастно сказал Боричев. — Я думаю, его убили.

Повисло молчание.

— Кто убил? Вы? — мягко спросил Макар.

Сергею пришла в голову та же мысль. Боричев не походил на психа, но что-то с ним определенно было не так.

Тот как-то странно дернул подбородком.

— Я — нет. Я... я очень привязан к этому мальчику.

— А кто? У вас есть подозрения?

— Никаких. Представления не имею, что с ним случилось. Вот только о побеге и речи быть не может.

— Почему?

— Потому что он побежал бы ко мне, — просто сказал Боричев.

Макар Илюшин задумчиво рассматривал его, склонив голову набок. В пальцах он вертел маленькую пиалу, ярко-желтую, со взъерошенным воробьем.

— Макар, на секунду, — позвал Сергей. — Не ввязывайся, а? — попросил он, поплотнее прикрыв дверь в комнату, где остался Боричев. — Пацан ушел в бега. Вот подумай: бывший детдомовец, приемные родители держат в ежовых рукавицах, сам выкинул сотовый и исчез. Много вариантов, что ли?

Илюшин рассеянно покивал.

— «Ищут чрезвычайно добросовестно», — процитировал он и скрестил руки на груди. — Ищут полиция, Следственный комитет и два волонтерских отряда: «Лиза Алерт» и «Поиск пропавших детей». Работают они почти три дня, объявлениями обклеен каждый фонарный столб, всех одноклассников опросили, во все соцсети объявления забросили и каждое утро их обновляют. Данные с камер получили в первые даже не сут-

ки, а часы после исчезновения. Родители спохватились быстро, уже в восемь вечера их заявление было зарегистрировано. При таком ковровом прочесывании — куда делся Чайнов Серафим Арсеньевич? Это в каком-нибудь Гороховце можно пропасть бесследно. Из магазина вышел, через мостик перебрался — и сгинул в лесах. В Москве же, если ищут всерьез, а тебя никто не обучал прятаться в городе-миллионнике и маскироваться от камер, — как, каким образом?

— Откуда такая осведомленность? — спросил Бабкин, скрывая удивление.

— А я погуслил. Чайнова разыскивают всем миром. К тому же это тебе не трехлетний ребенок на берегу озера.

— Вот именно! — Сергей начал заводиться. — Что ты мне сказки рассказываешь? Чтобы пацан в тринадцать лет не нашел, у кого перекантоваться? На камеры он не попал — подумай, великое дело! Сидит где-нибудь у цыган...

— Ага. Как конь! И копытом бьет.

Бабкин опешил. Почему конь? Откуда конь?

Пока он соображал, Макар уже вернулся в гостиную. Боричев поднялся ему навстречу и протянул глянцевый снимок:

— Это Серафим. Недавнее фото.

Отметив про себя, что Ян потрудился распечатать фотографии, Бабкин взглянул на портрет и подавил восклицание.

Чайнов был не просто стандартно красивым ребенком. Он выглядел как отрок с картин Зинаиды Серебряковой, на выставку которой Сергей ходил с женой. Картины ему не понравились: он нашел их открыточносладчайшими. Но дети, очень похожие друг на друга, поразили его какой-то внутренней сосредоточенностью и ясностью.

А теперь перед ним был оживший ребенок с портрета.

Каштановые локоны. Тонкие черты. Миндалевидные карие глаза, внешними уголками поднятые к вискам. Только дети на картинах Серебряковой смотрели внимательно и серьезно, а у Серафима в глазах пляса-

ли черти. Ухмылку глумливую мальчик подавил, заметив камеру, но полностью прикинуться паинькой не успел.

— Снимал мой товарищ, — сказал Боричев. — Фотограф, без преувеличения, гениальный. Из любого вытаскивает суть. Для всех остальных у Серафима наготове специальное лицо. Еще в детдоме он хорошо уяснил, как ему надо сниматься и какая у него рабочая сторона.

Последние слова Боричев произнес без намека на иронию.

«Зашибись. Не пацан, а мечта педофила». Бабкин внимательно посмотрел на гостя. Сочетание «неблагополучный подросток — побег — заботливый дядя, готовый платить, чтобы отыскать ребенка» наводило на нехорошие подозрения. А какие, мил человек, у тебя были отношения с тринадцатилетним Чайновым?

— Ян Борисович, вы сказали, Серафим в школе творил что-то еще. Что именно?

Боричев сморщился, словно укусил лимон.

— Ну вот допустим: он на физкультуре повалился на пол, лежал и мяукал, пока остальные отжимались и скакали через козла. Физрук вышел из себя. Еще бы: один паршивец срывает урок всему классу. Они же все не просто мимо бегали, а хихикали, потом тоже мяукать начали — глупость заразительна. Он вспылил и обозвал Серафима драным котом. Хотел, видимо, как-то сбить общий восторг. Ну и закончилось все тем, что... — Он вздохнул, и видно было, что рассказывать ему неприятно.

— Серафим написал ему в ботинки? — вклинился в наступившую паузу Макар.

Боричев уставился на него:

— Вы это где-то в Сети прочли? Обсуждают на форуме школы?

— Да нет. Просто это вполне логично.

— В каком смысле — логично? — Боричев поднял брови.

«Ну давай, объясни ему, в каком мире обоссать учительские ботинки выглядит логичным», — с легким злорадством подумал Сергей.

Илюшин выразительно пожал плечами — мол, а как же еще?

— После этого случая Серафима обследовали. Сестра уверена, что у него какое-то психическое расстройство. Но официального диагноза не поставили. Не знаю, имеет ли это значение...

— Все имеет значение, — возразил Макар, и Сергей понял, что дело решено: они будут искать мальчика. — Давайте сначала обсудим условия нашей работы...

* * *

С этой высоты парк был похож на ковер пятнистого мха: изумрудные, сизые и огненно-красные бугорки. Там, внизу, пылал октябрь. А напротив Сергея — руку протяни — стоял уже не ледяной осенний воздух, а целое небо. Бабкин не уставал удивляться этому превращению. Причем заметил он его не так давно. Всё пилил Илюшина за его выбор: двадцать пятый этаж, безумие же, даже от пожара не спастись, если не дай бог... А в один прекрасный день подошел к окну — и на него взглянуло небо. У Бабкина внутри как что-то перевернулось один раз, так обратно и не встало.

А вот когда это было?

Ах да! В тот самый день, когда Алисе исполнилось три месяца.

Ворчать он, конечно же, не бросил. Просто стал чаще смотреть в окно.

За спиной раздались шаги: вернулся Илюшин, проводив Боричева.

— Ну, что скажешь? — В голосе Макара звучало нескрываемое предвкушение.

Ни дать ни взять первоклассник перед горой упакованных игрушек, потирает руки, прикидывая, какие сокровища таятся под нарядной оберткой.

И Бабкин неожиданно заразился его воодушевлением. Он по-прежнему хорошо представлял, что их ждет. Пацан может быть где угодно: хоть в родном селе, хоть в привокзальном притоне. Для жмота в песочном пальто они искали его сестру-наркоманку, и после расследования у Сергея осталось ощущение, будто их с Макаром

долго и тщательно валяли в грязи. Ему вдруг подумалось, что сейчас все будет иначе. В конце концов, это всего лишь мальчишка.

Позже, вспоминая, как все начиналось, он не мог простить себе именно этого щенячьего азарта.

Стоя перед окном, Сергей сунул руки в карманы, изобразил хмурую мину и обернулся:

— Скажу, что сменную трубку для капучинатора только через неделю привезут. А до тех пор кофе сам себе вари.

Илюшин схватился за сердце, словно пораженный пулей, и сполз вниз по косяку.

* * *

Как это происходит?

Мальчик возвращается домой из школы. Решение уже принято — кстати, когда? Предположим, неделю назад. В прошлый понедельник матери позвонила учительница, и после разговора с ней у мальчика отобрали смартфон, а вместо него выдали кнопочную «Нокию». «Ты его из прабабкиной могилы вытащила, что ли?!» — заорал он. Не сказать чтобы эта реплика разрядила обстановку. Мальчик заявил, что по таким телефонам динозавры друг другу звонили, потому и вымерли. И он тоже сдохнет! Как теперь музыку-то слушать? А чаты школьные? А соцсети? А фотки? Да маршрут по городу — и тот не построить!

Он даже сделал вид, что швыряет эту рухлядь в стену.

Но ему предложили не драматизировать. Раз он так хочет вернуть свой прежний телефон, пусть как следует учится и нормально ведет себя в школе. «Вменяемые люди как-то справляются с этой задачей», — сухо сказала Алина.

С подтекстом — типа, он невменяемый. «В невменяе», как в детдоме говорили.

Так что неделю он живет со старым телефоном. Бесится. В классе узнали и, естественно, ржут. Фрумичев предложил ему шмотки теперь покупать в секонд-хенде. Сволочь.

Но всю неделю он делает вид, что все в порядке. Зубоскалит вместе с остальными. В среду пытался смыться после уроков — просто пошляться, то-се, ничего такого... Программки-то слежения на его телефоне больше нету!

Но фиг там. Во-первых, забыл, что при его входе и выходе из школы Алине приходит уведомление. Во-вторых, маячок, как оказалось, все-таки есть. Ельпалы! Как в концлагере.

В понедельник он возвращается из школы. Два часа дня. На улице так себе погодка. Если бы город был человеком, у него была бы затяжная простуда. Сопли, морось и грязи по щиколотку. Еще и листья под ногами скользкие, будто в них высморкались. Тьфу.

Из дома он, как обычно, отвечает на проверочный звонок Алины. Разговаривает с ней бодро, даже дружелюбно. Да, суп съел. Да, посуду вымыл (на самом деле нет). Да, сейчас за уроки (на самом деле ха-ха два раза).

Тут, конечно, повезло. Костя должен быть в это время дома. Они с Алиной чередуются, чтобы не оставлять его одного без присмотра. Даже интересно, сколько еще его будут пасти — до свадьбы, что ли? Еще вопрос, кто тут в невменозе: он или эти типа родители, комплект номер два.

С первым комплектом, конечно, нехорошо вышло. Мог бы и потерпеть. С другой стороны, сами виноваты. Если бы они только таскали его каждую неделю на службу в храм, он бы выдержал. А вот на все остальное Серафим не подписывался.

Итак, он собирает в рюкзак: толстовку, бутылку с водой, пауэрбанк, шоколадный батончик. Сгребает всю мелочь, приготовленную для чаевых курьерам. Кроссовки, куртка с капюшоном. Шапку не берет — он же не детсадовец, чтобы в плюс пятнадцать носить шапку. Выходит из дома, проезжает остановку на метро, заходит в торговый центр. Заглядывает в отдел с дорогими спортивными брендами, вертит в руках адидасовские кроссовки. Потом на фудкорте покупает какую-то дрянь. Доев, с грехотом комкает бумажный пакет, хохочет, ко-

гда за соседними столиками вздрагивают от звука, похожего на выстрел. На эскалаторе едет вниз и быстро выходит через огромный отдел промтоваров на первом этаже. Задержавшись перед дверью лишь на две секунды — чтобы выпустить из пальцев свою «Нокию» над серебристым зевом мусорного бака. Бамц — и старенькая кнопочная рыбка ныряет к фантикам и чекам.

После этого Серафим Чайанов надевает капюшон, делает шаг в октябрьскую морось и исчезает бесследно.

* * *

Возраст: тринадцать лет. Вес: сорок два килограмма. Рост: метр пятьдесят девять. Тип лица: европейский. Глаза большие, карие, волосы каштановые с рыжиной, волнистые, нос прямой, лицо худое, заостренное, подбородок с ямочкой. Телосложение худощавое. Одет: брюки черные спортивные, кроссовки черные, толстовка серая, куртка темно-зеленая с капюшоном. Близкими описывается как живой, подвижный, с активной мимикой.

Родился и жил в городе Кольчугино. Отец неизвестен. Мать — безработная, вела асоциальный образ жизни. Была сбита автомашиной ночью при переходе автомагистрали в пяти километрах от места проживания. Передан на воспитание бабушке, Ларисе Чайановой, жительнице промышленного агропоселка Металлист. С трех до восьми лет рос с бабушкой. Склонности к бродяжничеству не проявлял, но часто прогуливал школу.

После смерти Чайановой, наступившей от естественных причин, был передан в учреждение для детей, оставшихся без попечения родителей. В возрасте девяти лет впервые усыновлен. Меньше чем через год усыновление было отменено. Причина, указанная в заявлении родителей: «Девиантное поведение ребенка, нанесение морального вреда другим детям в семье и отсутствие взаимопонимания».

Повторно усыновлен К. Сафроновым и А. Сафроновой два года назад. Братьев и сестер не имеет. Родственников со стороны матери не имеет. Родственники со стороны отца неизвестны.

Особые приметы: вертикальный шрам длиной три сантиметра на левом боку — предположительно, ножевое ранение. Шрам на затылке от удара металлическим прутом. Шрам на правом предплечье в виде красного пятна диаметром четыре сантиметра — предположительно, ожог, полученный в возрасте от трех до пяти лет. Четыре длинных вертикальных шрама длиной от шести до десяти сантиметров в области лопаток — происхождение неизвестно.

* * *

В любом другом случае частные детективы начали бы с родителей. Но шел уже третий день поисков. Им предстояло сначала оценить работу, проделанную до них, чтобы понять, куда двигаться дальше.

Сергей, в прошлом оперативник, говорил, что его место службы бывшим не бывает. Если ты однажды попал в клан, в определенном смысле остаешься навсегда с его печатью на челе. Он недоумевал, зачем якудза татуировки. Принадлежность к своим Бабкин опознавал безошибочно — по взгляду и манере держаться.

Следователя, которого назначили на дело Чайнова, звали Егор Давыдов. Сергею потребовалось три телефонных разговора и десять минут ожидания, прежде чем последний собеседник перезвонил и продиктовал номер Давыдова.

— Я с ним связался, предупредил, что ты проявишься. Егор Иваныч так-то нормальный мужик. Резкий, может, самую малость. Но добросовестный. Прямо как ты!

Хохотнув и потребовав на прощание с Бабкина пиво, собеседник распрощался. Сергей занес напоминание в записную книжку, которую всегда носил с собой. Проставиться он собирался сразу по окончании расследования. Простое дело — поблагодарить человека за услугу. Но Сергей давным-давно убедился, что даже на небольшую благодарность способны немногие.

— Есть выход на Давыдова, — отрапортовал он, войдя в кухню.

— Выход-шмыход, — раздраженно сказал Илюшин. Пытаясь взбить пенку для кофе, он облился моло-

ком. — Взяли бы номер у Боричева, как я сразу и предлагал.

— Ага. Чтобы нас послали еще на дальних подступах? Ты как будто со следаками никогда дела не имел.

— Ладно, звони Давыдову, договаривайся о встрече.

— А время?

— Чем скорее, тем лучше.

Все сразу пошло наперекосяк. Давыдов цедил слова и разговаривал так, словно Бабкин звонил ему не в первый, а в сто первый раз. К концу разговора Сергей заподозрил, что бывший коллега подложил ему свинью и отрекомендовал его как ленивую скотину, желающую въехать в рай на мозолистой спине следователя.

Этими сомнениями он поделился с Макаром.

— Давыдов согласился встретиться, но не в кафе и не в самом комитете.

— А где же?

— Сказал, на пять минут к нам выйдет. Встреча слева у входа, ровно через час. Если опоздаем, ждать не будет.

— Это на «Бауманской»?

— Ага.

Макар посмотрел в окно.

— Хорошо хоть дождь закончился. Поехали на метро, иначе опоздаем. Похоже, со следователем в этот раз не повезло... Свитер свой не забудь.

* * *

«Хуже некуда, — думал Сергей. — Не договориться нормально со следаком! Что нам вообще тогда ловить в этом деле?»

Он машинально пригнулся перед спуском в подземный переход.

Вот за это Бабкин и не любил метро. За низкий вход, о который рослому человеку лоб разбить как нечего делать. За толпу. За болванов, которых хлебом не корми, дай застыть на проходе, точно коза над пропастью. За толкотню и запахи. «Что за народ такой, — мрачно думал он. — Мужики не моются. А бабы, похоже, моются духами. Смердят так, что умри все живое. Хотя это

они, наверное, делают, чтобы отбить вонь окрестных мужиков».

В метро он острее, чем где бы то ни было, чувствовал себя вытесняемым средой.

То ли дело Илюшин. «Порхает, как бабочка в райском саду!» В действительности Макар не порхал, а скользил со странной неуловимостью для взгляда: вот он в десяти метрах впереди, а вот опять слева, движется бок о бок с Сергеем. Казалось, он незримо взаимодействует с толпой и изменяет ее внутреннюю структуру. Каким образом? Бабкин понятия не имел. К чему ему были объяснения? Он вставал в фарватер за Макаром и наблюдал все своими глазами. Где сам он ломился, как медведь сквозь бурелом, под писк и вопли прищемленных зверьков, Илюшин бескровно протыкал, подобно игле, рыхлую ткань любой толпы.

— Я понял, — сказал Сергей, догнав Макара уже на платформе. — Тебя воспитывал косяк форели.

— Недавно ты утверждал, что я вылупился из яйца.

— Верно. Но потом тебя выбросили в воду. Ладно, давай пока выработаем тактику разговора с Давыдовым.

Однако выработать они ничего не успели. Поезд, набитый пассажирами, долго стоял на платформе, а затем дежурный объявил, что состав дальше не пойдет.

— Что-то случилось на линии, — сказал Макар. — Это может быть надолго.

Вокруг беспокоились, переговаривались и смотрели на часы.

— Придется на машине, — решил Бабкин, скрывая радость, и резво двинулся к выходу из метро.

* * *

Егор Давыдов оказался невыразительным человеком средних лет, с длинными залысинами и недовольно поджатыми губами. Куцый плащ смотрелся на нем нелепо, с претензией на французский шик. Подобных маленьких жучил Сергей недолго любил.

— Мне интерес ваш не совсем понятен, — начал Давыдов, когда детективы представились. — Чего вы от

меня ждете? Ведутся следственные действия. Разглашать подробности всем любопытствующим я не имею права. Дальше-то что?

Сергей, которого назвали любопытствующим, не дрогнул ни единой жилкой. Главное было — перестроиться, понять, что перед тобой не свой в доску брат-сыскарь на неплохой должности, а чужеродный хмырь, и ждать от него ничего хорошего не приходится. Как только он это осознал, все остальное стало легко. Он сделал едва уловимое движение, незаметно выдвигая Макара на первый план.

У них давно была выработана собственная система сигналов. По умолчанию беседу со следователями обычно вел Сергей — как человек с невидимой, но вполне ясно читаемой печатью клана. Однако с Давыдовым все это оказалось бесполезным.

— Просто чтобы исключить недопонимание, Егор Иванович, — вступил Макар. — Нас нанял Ян Боричев. По его словам, у него были теплые отношения с мальчиком. Боричев уверяет, что нашел к нему подход. Поэтому в побег Серафима он не верит. Наша основная задача — отработать его версию, ни в чем не мешая вам. Мы специализируемся на поиске пропавших людей, но практически никогда не соглашаемся разыскивать детей.

— Это почему же? — осведомился Давыдов.

— Потому что вы справляетесь с этим лучше нас. Нет смысла. Мы не вытягиваем деньги из клиентов. Мы выполняем свою задачу: ищем их близких.

В этом месте Давыдов мог бы добавить: «И зарабатываете на этом». Что сразу показало бы направление для дальнейших действий. Но Давыдов молчал.

Налетел порыв ветра, однако Илюшин не поднял воротник пальто. Он стоял перед следователем, на ступеньку ниже, чтобы быть одного с ним роста, и едва заметно ежился. «Ай молодец», — восхитился Сергей. На промозглом ветру, без шапки, с этими своими взъерошенными волосами и чистосердечным взглядом Илюшин был похож на студента. Такого, к которому по

необъяснимой причине благосклонны преподаватели, а однокурсники относятся любовно-снисходительно, прощая ему легкость в учебе за обаяние и веселый нрав.

«А потом выясняется, что именно он среди них — единственный гений».

В том, что говорил Илюшин, не было ни слова лжи. К розыску детей следственные органы всегда относились серьезно. Семьдесят процентов всех исчезнувших людей приходится на города. А город — это камеры наблюдения. Это вышки сотовой связи, при помощи которых можно определить местоположение с точностью до нескольких метров. У частных лиц нет доступа к этим данным. Сергей с Илюшиным всегда действовали в обход правил, а если называть вещи своими именами, — нарушая их. Они попросту покупали нужную информацию. Законопослушный Бабкин в этом случае шел на сделку с совестью, потому что найти пропавшего человека было важнее, чем соблюсти букву закона.

Долгое время даже следователи до решения суда не имели возможности получить информацию о последних звонках с телефона пропавшего и о том, где его запеленговали. Норма права катастрофически отставала от реальности. На получение разрешения уходили не часы, а сутки. Могла пройти неделя — бесценное время, выкинутое на проволочки. Бабкин считал эту норму прямым вредительством.

Все поменял закон об упрощении поиска пропавших детей. Сотовые операторы по-прежнему не выдавали информацию никому, кроме полиции. Об этот запрет бессильно бились волонтеры и родственники пропавших. А вот следователи получили карт-бланш. Доступ к системе городских камер у них уже был. Теперь к нему добавился быстрый доступ к геолокации.

— Ну ищите — и ради бога. Я здесь при чем? То эти вон лезут под руку... А теперь еще вы.

Бабкин понял, что речь о волонтерах. Давыдов уравнивал сыщиков с теми, кто мешает работать. Это было неприятно, и Сергей, хмуро разглядывая гонористого сле-